

4.1. Археологические следы средневековых храмов и кладбищ на территории Полоцка

(Д. В. Дук)

Полоцкие храмы. Под 1001 и 1007 г. в Полоцке упоминается церковь св. Богородицы в связи с переносом мощей полоцких князей Изяслава Владимировича и его сына Всеслава [ПСРЛ, 1863, т. 15, стб. 121].

Средневековое церковное строительство Полоцка развивалось в русле зарождения, становления и развития полоцкой школы зодчества XII в.

Попытки археологов Л. Д. Поболя, С. В. Тарасова, М. В. Климова обнаружить остатки монументальных построек монастыря Иоанна Предтечи (XII–XIII ?) на Острове остались безрезультатными. Основными причинами этому послужили повреждение культурного слоя во время промышленной деятельности в XIX–XX вв., а также застройка наиболее перспективной для поисков монастыря восточной части Острова.

Полоцкий Софийский собор. Самым древним из изучаемых археологами полоцких храмов, безусловно, является Софийский собор. К эпохе Всеслава Брячиславича относится упоминание собора в «Слове о полку Игореве» в описании русских городов «дальних и ближних»: «Полотескъ на Двине и на Полоте, древянь, святая София камена о седми врьсехъ» [ПСРЛ, 1856, т. 7, стб. 240], а также в актовых документах XV–XVIII вв., чертежах и иконографиях XVI–XVIII вв. [Штыхов, 1975, с. 117; Селицкий, 1992, с. 18–21].

Собор являлся объектом изучения ученых XIX–XX вв. (А. М. Павлинова, П. П. Покрѣшкіна, К. В. Шероцкого, А. И. Некрасова, И. М. Хозерова, Н. Н. Щекотикина, Е. А. Ощепкова, М. К. Каргера), однако наиболее полное археологическое изучение Софийского собора было произведено в 1975–1980 гг. Вал. А. Булкиным.

В результате исследования Вал. А. Булкина было выяснено, что древнюю кладку стен при возведении собора в XVIII в. активно использовали лишь в тех частях, которые оказались по трассе стен нового храма [Булкин, 2000, № 15 с. 135]. Нигде древняя кладка не была разобрана до основания,

что подтверждает бережное отношение к первоначальному собору новых зодчих. Сравнение технологии разработки глубины фундаментных рвов несущих стен и прочих ленточных фундаментов дало возможность определить, что полоцкий собор ближе всего по этому показателю к киевским постройкам первой половины – середины XI в. [Булкин, 2000, № 15, с. 135]. Таким образом, предположение И. М. Хозерова о возможности возведения собора до середины XI в., ранее хрестоматийной даты 1044–1066 гг. [Хозеров, 1994, с. 29] становится более вероятным.

В. А. Булкиным было сделано важное наблюдение, которое проливает свет на историю собора. Речь идет об этапах перестройки и внесения новых конструктивных элементов в первоначальный план собора. Так, исследователь отмечает, что в XII в. реализуется второй этап первоначального замысла зодчего – возведение пристроек, в частности западной галереи [Булкин, 2000, № 15, с. 137]. Открытие этой галереи снимает вопрос о первоначальном количестве куполов на соборе: в XI в. их могло быть пять, а после возведения галереи – семь.

Крупные строительные работы по перепланировке первоначального собора производились задолго до проекта Иоганна Кристофа Глаубица и его патрона Флориана Гребницкого [Булкин, 2000, № 15, с. 137]. Эти работы могли быть осуществлены при Иосафате Кунцевиче², а зодчие XVIII в. использовали некоторые готовые идеи своих предшественников.

На вопрос о том, насколько обжитой была территория Верхнего замка к моменту возведения храма, Вал. А. Булкин отвечает следующим образом: «капитальные работы XVII–XVIII вв., многочисленные захоронения в склепах, перестилка пола в начале XX в. и расчистка подполья перед реставрационными работами в начале 1970-х гг. привели к ликвидации всех культурных напластований внутри собора. По всей площади после срезки дневную поверхность составляет песок вперемежку со строительным мусором. Уровень современной поверхности везде ниже уровня дневного пола. Верхний слой принадлежит, надо полагать, или подсыпке под пол, или выбросу из многочисленных захоронений внутри храма. Верх фундаментов перекрывается именно этим слоем. Ниже начинается чистый мелкозернистый песок – материк, в который впущены фундаменты храма... Лишь в юго-западной части собора сохранился небольшой фрагмент ненарушенного слоя, свидетельствующий о том, что каменное строительство велось на уже обжитом месте. Это сравнительно тонкий слой черного цвета с очевидными признаками пожара. В нем встречается керамика начала – первой половины XI в. Слой соответствует верху фундаментов, которые были опущены именно с этого уровня. Слой пожара дает основание считать, что каменному храму предшествовала погибшая в пожаре деревянная постройка» [Булкин, 2000, № 15, с. 136].

² О возможности неких перестроек свидетельствуют также и письменные источники XVIII в. [Селицкий, 1992, с. 19].

Храмы Бельчицкого Борисоглебского монастыря. Бельчицкий Борисоглебский монастырь прекратил существование после Первой мировой войны. В конце 20-х годов XX в. руины двух церквей – Пятницкой и Борисоглебской, активно изучал И. М. Хозеров. Чуть позже храмы были разобраны под кирпич местными жителями. Начиная с 1950-х годов территория бывшего Бельчицкого монастыря активно застраивалась жилыми и хозяйственными постройками.

К настоящему времени из четырех известных храмов Бельчицкого Борисоглебского монастыря местонахождение только одного храма (Большого безымянного собора) локализовано на местности О. А. Трусовым в 1990 г. [Трусаў, спр. № 1251а; спр. № 1251б].

Археологические исследования *Большого собора* (рис. 50: а) были начаты в 1920-е годы. В 1928 г. раскопки собора проводил И. М. Хозеров, в 1965 г. – М. К. Каргер, в 1977 г. – П. А. Раппопорт, в 1990 г. – О. А. Трусов. Храм имел три притвора и внушительные размеры – 23,5 × 16,5 м (без притворов). Согласно письменным источникам, в 1511 г. один из монастырских храмов назывался в честь Пречистой Богоматери, в 1618 г. эта же церковь упоминается как вновь отстроенная и деревянная [Дук, 2010, с. 98]. Не исключено, что упомянутая в источниках церковь имеет прямое отношение к Большому собору.

О *храме-триконхе* (рис. 50: в) известно исключительно из сведений «Записки», составленной неизвестным автором примерно в 1790 г. Археологами храм не изучался, его местонахождение не известно. Однако как явствует из текста «записки», в конце XVIII в. храм находился на территории подворья церкви Бориса и Глеба [Селицкий, 1992, с. 69].

Что касается Пятницкой и Борисоглебской церквей, то их точное месторасположение и степень сохранности фундамента уже после разрушения стен в 1920–30-х годах было неизвестно. Последняя попытка локализации Пятницкой церкви была осуществлена П. А. Раппопортом в 1976 г. путем проведения шурфовки [Раппопорт, д. № 527].

В 2003 г. во время надзора за земляными работами на территории бывшего Бельчицкого Борисоглебского монастыря были локализованы *Пятницкая* и *Борисоглебская церкви*.

Восточная часть *Борисоглебской церкви* прямоугольная в плане, сохранился фундамент из бутового камня и брускового кирпича на известковом растворе. Вскрыта часть северной и восточной стен (рис. 50, д).

Восточная стена сохранилась на ширину 5,2 м (известно, что общая ширина церкви составляет 8,3 м, длина – около 14,5 м). Юго-восточный угол церкви выходил за границы траншеи под керамические дренажи 1960-х годов и далее – под фундамент пятиэтажного жилого дома № 17 по ул. Юбилейной. Последнее обстоятельство, к сожалению, указывает на его полное или частичное разрушение.

При сопоставлении известных размеров храма с сохранившейся восточной частью и привязкой к дому № 17 стало очевидным, что значительная его часть (около четверти) была уничтожена. Со слов местных жителей,

во время рытья котлована под домом были найдены «многочисленные церковные богатства и погребения мужчин и женщин в гробах очень хорошей сохранности». При всей гиперболизации подобных сведений, вероятно, для них все же были определенные основания.

Исследование остатков фундаментов и рвов привели к следующим заключениям. Сохранность фундамента очень плохая по причине нивелировки поверхности во время строительства пятиэтажного дома и тротуара. Фактически сохранилась только часть северной стены с тремя рядами крупноформатного кирпича. Кирпич плохой сохранности из-за недоброкачественного обжига. Некачественный и известковый раствор, который имеет зернистую структуру и розовый цвет из-за примеси шамота и песка, рассыпается в руках аналогично кирпичу. Кирпичная стена располагается на бутовых камнях, кирпич положен на известковом растворе, кладка сохранилась в три ряда. Размеры кирпича $6,5 \times 15,5 \times ?$ см, $7 \times ? \times 29$ см, $6 \times 14 \times ?$ см, $6 \times 14,5 \times ?$ см. Найдены фрагменты плинфы толщиной 3,2 см.

Фундамент церкви располагается на сухом мелкозернистом материковом песке желтого цвета. Восточная стена не сохранилась – были исследованы только фундаментные рвы, заполненные кусочками битого кирпича, плинфы и влажным комковатым грунтом серого цвета. В заполнении рвов были обнаружены мелкие кусочки штукатурки зеленого цвета, а также кусочек фрески зеленого цвета толщиной 1 см, фрагмент клейма от бутылки с надписью «LONDON», три венчика глазурированных горшков конца XVII – XVIII в.

Следы перестройки восточной части церкви были зафиксированы на всей площади вскрытого участка. Кирпич у подошвы фундамента северной стены и возле материкового рва восточной был положен бессистемно и образовывал своего рода мошениую основу. Кирпич этого уровня, среди которого встречается пальчатка, был более прочный, размеры его аналогичны вышеприведенным.

Предварительно можно заключить, что восточная часть древней Борисоглебской церкви была значительно перестроена не ранее второй половины XVII – XVIII в., на что указывают размеры и качество кирпича, а также артефакты, найденные в заполнении фундамента (фрагменты керамической и стеклянной посуды).

Известно, что Борисоглебская церковь возвышалась до основания сводов еще в 1929 г. Восточная стена к этому времени полностью отсутствовала. Н. Н. Воронин и И. М. Хозеров полагали, что здание имело одну выступающую полукруглую апсиду [Селицкий, 1992, с. 59; Хозеров, 1994, с. 76]. Г. В. Штыхов обратил внимание на свидетельства И. И. Долгова о наличии в Борисоглебской церкви трех апсид [Штыхов, 1975, с. 120]. Восточная часть храма, которая была вскрыта во время строительных работ в 2003 г., является ничем иным, как прямоугольной апсидой. Следов более древней полукруглой апсиды не выявлено, что может означать ее полную перестройку на определенном этапе. Аналогичным образом в XVIII в. была перестроена апсида Пятницкой церкви [Селицкий, 1992, с. 38], оба храма находились

в непосредственной близости один от другого, поэтому их ремонт мог вестись одновременно и по одной схеме.

Древнее основание *Пятницкой церкви* (5,7 × 5,1 м) находилось вне зоны расположения траншеи. Однако севернее Борисоглебской церкви, на 26 м от нее по трассе траншеи, были зафиксированы небольшие кирпичные фундаменты шириной 0,60–0,65 м существовавшей некогда постройки (рис. 88). Фундаменты ленточного типа на известковом растворе углублены в материковый песок на 0,8 м, расстояние между фундаментами по внешней стороне составляет 8 м. Размер кирпичей (29 × 6 × 15 см, 31 × 6 × 15 см, ? × 3 × 15 см) и использование в кладке белого, прочного известкового раствора указывает на время их сооружения не ранее конца XVIII – XIX в. Вероятно, данные фундаменты принадлежали постройке из кирпича и дерева, которая отображена на гравюре и фотографии XIX в. к западу от церкви³. Сама же церковь находилась неподалеку – на восток от указанной постройки. Возможно, именно эти фундаменты, от которых местами могли остаться только рвы, П. А. Раппопорт относил к Пятницкой церкви [Раппопорт, д. № 527, с. 23].

Возле Борисоглебской церкви в датированном культурном слое был найден уникальный артефакт – стенка керамической чернильницы полного профиля с изображением князей Бориса и Глеба (рис. 50, г). Аналогичные приемы стилизации образов наиболее характерны для белорусской декоративной пластики конца XVI – первой половины XVII в. [Дук, 2005б, с. 186–189].

Таким образом, во время проведенного археологического исследования в 2003 г. впервые определен характер культурных напластований Бельчицкого Борисоглебского монастыря. На местности локализована Борисоглебская церковь с учетом современной топографической ситуации. Сделана привязка восточной части Борисоглебской церкви к пятиэтажному дому № 17 по ул. Юбилейной.

Храмы Спасо-Евфросиньевского монастыря представлены *храмом-усыпальницей полоцких епископов* и *Спасо-Преображенской церковью*.

Храм-усыпальница (рис. 49) в 1957, 1961, 1962, 1964 г. была исследована М. К. Каргером, а в 1975–1976 гг. – П. А. Раппопортом. Храм имел значительные размеры – 14,85 × 16,3 м (длина без апсиды) и три нефа [Раппопорт, 1980, № 3, с. 145–148]. Особенностью храма являлось наличие галерей. В большом количестве найдены глазурированные плитки и смальта четырех цветов от мозаики пола (всего собрано более 43 кг смальты). Обнаружены мужские захоронения в криптах. Храм являлся *монастырской* усыпальницей полоцких епископов, упомянутой в Житии преподобной Евфросиньи.

Спасо-Преображенская церковь – единственный из полностью сохранившихся храмов XII в. не только в Полоцке, но и на территории Беларуси (рис. 87, в; фото 12). Данный храм монастырского типа имеет размеры 8 × 12 м, насчитывает 6 массивных столбов [Штыхов, 1975, с. 125]. В 2005 г. Д. В. Дуком

³ Ширина вскрытых фундаментов превышает размеры храма – 5,7 × 5,1 м против 8 м.

были проведены раскопки в подвалах церкви. Археологически исследован культурный слой и особенности кладки стен 8 могильных склепов. Все склепы изначально были замурованы, но все, за исключением одного, были вскрыты кладочискателями и разорены. Всего в разных склепах было выявлено более 30 погребений разного времени и степени сохранности, из них только одно было нетронутым. Останки 6 мужчин были обернуты дорогой тканью с серебряной нитью и помещены в деревянный гроб. Гроб закопан в материковую глину на небольшую глубину. Согласно итогам антропологической экспертизы, проведенной О. А. Емельяничик, погребенные не имеют сходства с коренным населением Беларуси XVI–XVIII вв. Погребения принадлежали генералам ордена иезуитов и были совершены в середине XVIII в. [Дэйніс, 2007, с. 131]. Для обустройства погребений были построены склепы.

Храм на рву и храм на стрелке Нижнего замка. Храм на рву, названный так по местонахождению возле Черного ручья, отделявшего Верхний замок и территорию Великого посада (рис. 27, а: 5), в XVII в. именовался церковью Рождества Христова [Дук, 2007г, с. 44]. Первые сведения о наличии на территории возле Черного ручья храма были получены во время археологической разведки М. К. Каргера в 1962 и 1967 г. [Раппопорт, 1980, с. 155]. Во время археологических раскопок П. А. Раппопорта в 1976 г. храм был обнаружен путем прорезки сквозной траншеи площадки возле здания бывшего реального училища (в 1976–1977 гг. – средней школы № 8). Было выяснено, что в начале XX в., во время строительства здания, храм был практически полностью уничтожен, от него сохранилась только апсида длиной около 7,5 м и шириной 7,1 м. Следы ее были изучены по заполнению фундаментных траншей булыжным камнем без всякого раствора [Раппопорт, 1980, с. 155]. Необычайно вытянутая апсида выделяет данный храм из всех памятников полоцкой школы зодчества XII в.

В 1967 г. М. К. Каргер обнаружил недалеко от фундаментов храма две кирпичные гробницы, соотношение этих гробниц с храмом не выяснено. В 2011 г. Д. В. Дуком были проведены спасательные раскопки на строительной площадке, которая примыкала к храму с юга и находилась на удалении 50–70 м от фундамента храма. Площадь раскопа составляла 200 м². Было замечено, что культурный слой старше XVI в. здесь отсутствует, из находок XI–XII вв. найдены только единичные венчики горшков, а также шиферное пряслице. Аналогичную стратиграфическую картину наблюдал и П. А. Раппопорт во время поисков фундаментов храма в 1976–1977 гг. [Раппопорт, д. № 527, с. 9]. Во время поисков фундаментов в большинстве шурфов, заложенных на расстоянии нескольких метров к югу от храма, культурный слой отсутствовал или был представлен поздними отложениями. Исследователь полагал, что была проведена нивелировка культурного слоя во время строительства трехэтажного кирпичного здания реального училища, тогда же была уничтожена и большая часть фундаментов храма. В результате раскопок 2011 г. было установлено, что территория возле храма в первой половине XVII в. отведена под кладбище, а после войны 1654–1667 гг. на ней

были возведены деревянные дома на подклетах. По письменным источникам удалось установить, что храм просуществовал до 1660–70-х годов, при этом со второй половины XVI в. он был деревянным [Дук, 2010, с. 80]. Сегодня место обнаружения восточной апсиды храма входит в пределы городской усадьбы, построенной в начале 1990-х годов.

Отсутствие культурного слоя древнее XVI в. на территории возле храма подкрепляет предположение о размещении здесь вечевой площади XI–XV вв.

Храм на стрелке Нижнего замка был обнаружен во время археологических раскопок П. А. Раппопорта в 1976–1977 гг. (рис. 27, а: 4) на одном из дворов по ул. Горького (теперь – ул. Стрелецкая) [Раппопорт, 1980, с. 155]. Сведения о предполагаемом месторасположении храма были получены от Г. В. Штыхова и М. К. Каргера, которые отмечали наличие развала древних строительных материалов.

Фундамент храма был частично поврежден траншеей под водопровод. Храм имел боковые галереи с расширением у западных углов. Церковь четырехстолпная, длиной 14,5 (без апсиды), шириной 14,1 м. Восточная часть храма оползла вместе с частью культурного слоя вниз по склону Нижнего замка, раскопки были сильно затруднены наличием фруктового сада, хозяйственных построек, заасфальтированной дороги [Раппопорт, 1980, с. 151–152]. По этой причине предложенная П. А. Раппопортом реконструкция храма не дает четкого представления о восточной части церкви.

Княжеский храм на Верхнем замке был открыт во время строительства здания морга Полоцкой городской больницы в 1966 г. (рис. 48: 1) В 1967 г. на месте строительства были произведены раскопки М. К. Каргера [Каргер, 1972, с. 202]. Длина храма – 21 м (северная стена). Храм имел три притвора, боковые притворы – полукруглые апсиды. По мнению С. В. Тарасова, полоцкий храм не только имел сходство с храмом Архангела Михаила в Смоленске, но и одинаковое название [Тарасаў, 1998а, с. 75].

Хронология полоцкой школы зодчества XII в. разработана в трудах М. К. Каргера, П. А. Раппопорта и Л. В. Алексева. Самыми ранними по времени считаются усыпальница полоцких епископов в Спасо-Евфросиньевском монастыре и церковь на Нижнем замке (первая четверть XII в.). Затем к середине XII в. были возведены остальные церкви, за исключением церкви Архангела Михаила на Верхнем замке (время строительства обосновано в пределах 80-х годов XII в.).

Вместе с очевидными успехами в археологическом изучении храмов полоцкой школы зодчества XII в. обратим внимание на проблему выбора дальнейших приоритетов в их изучении. Так, полевые археологи уделяли недостаточное внимание изучению культурного слоя непосредственно возле монументальных памятников, что нередко приводило, и, безусловно, приводит исследователей к ошибочным выводам в их хронологической атрибуции. К настоящему времени становится особенно актуальным возобновление археологического изучения памятников монументального зодчества, особенно это касается храмов Бельчицкого Борисоглебского монастыря. Здесь современная гражданская застройка для проведения раскопок препятствует в меньшей степени.

Хронология полоцкой школы зодчества построена преимущественно на данных письменных источников. В этой связи наиболее яркий пример представляет решение вопроса о начале строительства Софийского собора. Выявленный Вал. В. Булкиным культурный слой со следами пожара, предшествующий времени возведения храма, как будто свидетельствует о существовании деревянной церкви на месте собора. Но не более того. Что же касается времени возведения монументального собора, то он датируется широко в пределах начального периода княжения Всеслава Брючиславича – 1044–1066 гг. Принимая эти даты как безусловные, мы не получаем ответа на вопрос: каким образом молодой правитель мог осуществить грандиозное по строительным масштабам, геополитическим амбициям и экономическим затратам сооружение собора? Обоснование более узкой, собственно археологической хронологии затруднено отсутствием детального изучения ранних культурных напластований возле Софийского собора, отсутствием точных обмерных планов, сделанных с помощью современных технологий, а также исследования особенностей формовки плинфы первоначального собора. В этой связи особенно актуально мнение И. М. Хозерова о *возможности* начала строительства собора в период княжения Брючислава Изяславича, а значит, в будущем возможен пересмотр хрестоматийных дат строительства полоцкой Софии.

Из других, более поздних храмов Полоцка, во время археологического изучения в 2009 г. Д. В. Дуком были открыты фундаменты *церкви Иоакима и Анны* XVI в. в Экимани и А. А. Соловьевым – фундаменты *костела св. Казимира* XVII в. на территории иезуитского коллегиума. Итоги исследования имеют предварительный характер. В частности, локализованная церковь Иоакима и Анны, вероятно, в XVII в. была переименована в церковь св. Николая [Дук, 2010, с. 96]. Найденные во время разведок в Экимани фрагменты кирпича этой церкви П. А. Раппопорт принимал за плинфу. Кирпич по толщине действительно напоминает древний строительный материал, но полные его размеры (31 × 15 × 4,5 см) полностью соответствуют формату XV–XVI вв. Предварительно удалось установить, что фундамент храма сделан из бутового камня на известковом растворе, а сам храм был ориентирован по сторонам света.

В 2009 г. А. А. Соловьевым во время реставрационных работ под полом корпуса «3» иезуитского коллегиума найден кирпичный фундамент. Костел имел фахверковую конструкцию. В кирпичном фундаменте было обнаружено гнездо от вертикальной угловой опоры в виде круглого цилиндрического отверстия диаметром около 0,65 м на глубину до 0,9 м. При его расчистке найдены вертикально расположенные куски смолистого основного столба. Вокруг фундамента найдены плитки пола толщиной 3 см и с квадратом 20–21 см. Сверху и возле фундамента найдены обломки «ковровых» и «иезуитских» изразцов и стекла. Вероятно, костел был возведен между 1643 и 1654 г.

Средневековые кладбища Полоцка. Некрополь издревле был важным элементом социотопографической структуры средневекового европейского

города. Очевидно, что раннесредневековый Полоцк должен был иметь свой курганный некрополь. Однако, в отличие от других ранних городских центров Руси, в Полоцке до начала его археологического изучения не осталось ни одного кургана.

И все же исследователи культурного слоя Полоцка полагают, что курганы были уничтожены в результате активного развития города и увеличения его территории. Вопрос о месторасположении раннесредневекового полоцкого курганного некрополя поднимался неоднократно [Дук, 2006, № 22].

Основным изобразительным источником для локализации полоцких курганов является план С. Похоловицкого 1579 г. Исходя из него, можно предположить существование двух курганов могильников – на север от города (далее – «северный курганный могильник») и на восток от него (далее – «восточный курганный могильник»).

«Северный курганный могильник» в соответствии с изображением на плане С. Похоловицкого имел протяженность с северо-востока вдоль правого берега р. Полота от Спасо-Ефросиньевского монастыря на юго-запад и приближался к изгибу старого русла р. Полота, от которого начинается природный овраг, обозначенный на рисунке С. Похоловицкого как «Fossa naturalis». Южная граница могильника могла размещаться приблизительно на расстоянии 1 км от р. Западная Двина (рис. 46).

С. В. Тарасовым сделано предположение о размещении на территории бывшего курганного могильника на правом берегу р. Полота около Заполотья церкви св. Михаила. Исследователь отмечает, что хотя впервые Михайловский монастырь на Городке упоминается в 1511 г., тем не менее археологического подтверждения времени его основания нет [Тарасаў, 1998а, с. 79, 82].

Проследим, насколько близко располагался могильник к р. Полота. Сложный характер рельефа, наличие поймы и многочисленных оврагов по правому берегу р. Полота позволяют считать, что расстояние до этой реки на отдельных участках могло быть в пределах 100–300 м. Максимальное его удаление от р. Полота – около 500 м можно предположить на участке напротив городища и заселенной с XI в. территории на запад от р. Полота. Таким образом, «северный курганный некрополь» мог размещаться на территории современных полоцких новостроек, которая имеет название «Аэродром». Эта часть города находится на север от Заполотья и на северо-запад от первоначального городища.

В связи с этим заслуживают внимания сведения И. П. Дэйниса, согласно которым аэродром в месте расположения нынешних новых построек существовал с 1916 г. по 1970-е годы. Начало его строительства связано с событиями Первой мировой войны. Сначала аэродром был размещен около Михайловского и военного кладбищ. Поверхность земли во время строительства аэродрома в 1916 г. была выровнена, все кочки срезаны, рвы засыпаны. После Великой Отечественной войны площадь аэродрома была расширена, для этого было ликвидировано Михайловское кладбище [Дэйнис, 1978, ч. II, с. 234]. Таким образом, окончательное уничтожение остатков «северного

курганного могильника» могло произойти на начальном этапе строительства аэродрома в 1916 г. Вероятно, именно поэтому А. Н. Левданский уже не зафиксировал его следов в 1928 г. Однако началось уничтожение «северного некрополя», видимо, значительно раньше, поскольку исследователи второй половины XIX в. его уже не находили или не замечали (где находился курган, зарисованный Д. Струковым, неизвестно).

Г. В. Штыхов считал, что именно «северный курганный могильник» был основным городским некрополем [Штыхов, 1978, с. 31]. Действительно, этот могильник мог занимать значительную площадь – до 50 га. К сожалению, никаких других сведений о существовании «северного курганного некрополя», кроме плана С. Похоловицкого, нет. Перспектива выявления остатков могильника археологически маловероятна, поскольку территория бывшего аэродрома сильно повреждена промышленной деятельностью преимущественно 80–90-х годов XX в. Территория на северо-восток от аэродрома вдоль р. Полота до Спасо-Евфросиньевского монастыря была плотно застроена еще в довоенное время, сейчас здесь размещаются преимущественно одноэтажные дома с подворьями и огородами.

«Восточный курганный могильник» предположительно размещался вдоль правого берега р. Западная Двина. Кроме упомянутого плана С. Похоловицкого, сведения о наличии «курганов» на месте «восточного курганного могильника» приводятся в Лебедевской летописи, в ревизии полоцкого уезда 1563 г. и магистратских книгах XVII–XVIII вв. В записях магистратских книг название части курганов «восточного курганного могильника» обозначается как «горы Болгарейские» [Дук, 2010, с. 87].

Существование «восточного курганного могильника» косвенно подтверждается и выявленными материалами. До недавнего времени к их числу можно было отнести только меч типа V по Петерсену, который датирован X в. (рис. 46: 1–3). Меч был найден на глубине 3,5 м, что может свидетельствовать о большом, не менее 2 м, слое строительного мусора на месте находки [Поболь, 1960, № 1, с. 150–151]. Меч был обнаружен в 1956 г. на расстоянии 100–200 м от правого берега р. Западная Двина и на расстоянии 1500 м на восток от Верхнего замка при строительстве швейной фабрики. В 1959 г. Л. Д. Поболь исследовал место находки, но не нашел ни следов курганов, ни культурного слоя. Однако он высказал мысль, что меч происходит из разрушенного дружинного кургана. Место находки было определено Поболем как место размещения курганного могильника полоцких дружинников IX–XII вв.

В 2004 г. во время наблюдения за строительными работами на ул. Нижнепокровской, 44 А. А. Соловьевым было собрано множество фрагментов разновременных керамических изделий. Среди материалов выделяются развалы двух лепных горшков X в., типичных для «погребальной» керамики. Данные горшки найдены на расстоянии приблизительно 250 м от восточной фортификационной линии Великого посада середины XVII в.

Насколько далеко на восток и запад простирался «восточный курганный могильник», можно определить достаточно точно. Восточной границей мо-

гильника является «сельцо Просмужки», расположенное на восток от современной ул. Юбилейной. Северная его граница в XVI–XVIII вв. проходила в районе современной ул. Коммунистической. За этой улицей зафиксирован культурный слой XVI–XVIII вв. с остатками ремесленных мастерских. Южнее ул. Коммунистической культурный слой отсутствует, что подтверждает расположение здесь курганов. Согласно сведениям письменных источников, границы курганного некрополя («волотовок») XVI–XVII вв. оставались неизменными, первые записи о разрушении курганов относятся не ранее чем к 1739 г. [Дук, 2010, с. 87].

Таким образом, насыпи «восточного курганного могильника» размещались полосой вдоль правого берега р. Западная Двина. Они начинались в районе паркана Великого посада XVI в. и их протяженность составила не более 1500 м на восток от Верхнего замка. На современной карте Полоцка это соответствует территории между ул. Свердлова, Нижнепокровской, Коммунистической и Юбилейной.

Возможно, в конце X–XI вв. определенная часть «восточного курганного могильника» попала под застройку Великого посада, на месте старых курганов появилось христианское кладбище или отдельные христианские захоронения по обряду ингумации. В XVII–XVIII вв. часть могильника по трассе современной ул. Нижнепокровской была застроена.

Выявление развалов лепных горшков, датированных X в., и захоронений, совершенных до XVI в., свидетельствует о вероятности в перспективе археологического изучения «восточного могильника». Территорией для таких исследований представляется район, прилегающий к ул. Нижнепокровской от Богоявленского монастыря на западе до конца этой улицы на востоке. При этом наибольший интерес представляет условная полоса на север от ул. Нижнепокровской шириной около 100 м. Это участок надпойменной террасы р. Западная Двина, где мощность культурного слоя по результатам многолетних наблюдений, в границах и за пределами посадского паркана не превышает 1,5 м.

Таким образом, несмотря на то что курганы полоцкого могильника были уничтожены уже в начале XX в., а известия о местонахождении христианских могильников времен Полоцкого княжества до недавнего времени вообще отсутствовали, составить некоторое представление о топографии древнейших городских некрополей все же возможно.

Сложным является вопрос о датировке «восточного» и «северного» курганных могильников. Выявленные и связываемые с ними археологические находки (меч и лепная керамика) могут быть отнесены к X в. С ростом города в XI в. погребения предыдущего столетия могли войти в границы городской застройки. С этого времени создаются условия для появления новых городских кладбищ, размещенных более компактно на территории Великого посада и городских околиц. После отказа от захоронения усопших на территории древних «восточного» и «северного» могильников, процесс постепенного разрушения курганов X в. стал неизбежным. Однако первые свидетельства о разрушении курганов относятся только к 1739 г.

Упоминание «волоотовок» в актовом книге 1779 г. позволяет определить один из маркеров северной границы древнего курганного могильника в районе современной ул. Коммунистической. Южной границей могильника в 1656–1657 гг. является ул. Ильинская (сегодня это южная часть пр. Ф. Скорины).

Стремительное распространение христианства в XII–XIII вв. обусловило появление нового типа погребального комплекса, связанного с культовыми постройками и прилегающей к нему территории церковного двора. Новый погребальный обряд формировался под византийским влиянием и целиком соответствовал христианским некрологическим канонам [Вайцяховіч, 2008, № 7, с. 20]. Внутри церквей хоронили знатных или зажиточных людей, высший церковный клир, а простых жителей – на городских кладбищах. Захоронения XII в. внутри церквей в кирпичных саркофагах обнаружены в пристройках к Софийскому собору, храме-усыпальнице полоцких епископов в Спасо-Ефросиньевском монастыре, около церкви на стрелке Нижнего замка и возле церкви на рву (церкви Рождества Христова). Бояре могли быть похоронены около «старой» церкви Богородицы, упоминающейся под 1159 г. [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 140]. Однако ее местоположение и возможная связь с известными памятниками полоцкой школы зодчества пока что не установлены.

Если раньше курганная насыпь являлась единой формой погребального сооружения как для зажиточных людей, так и для простых, то захоронения внутри храмов в саркофагах и аркосолиях являются исключительно княжескими или церковными (высший клир). Людей с низшим социальным статусом могли хоронить на кладбищах рядом с храмами в деревянных гробах или даже без них [Вайцяховіч, 2008, № 7, с. 23–24].

При рассмотрении полоцких кладбищ XI–XIII вв. нельзя не обратить внимание на выявление кирпичных крипт в непосредственной близости от церкви на рву (церкви Рождества Христова). В 1967 г. на территории, прилегающей к храму, М. К. Каргер открыл две могилы, сложенные из плинфы. Как отмечает П. А. Раппопорт, соотношение этих могил с церковью не выяснено [Раппопорт, 1980, № 3, с. 156]. Наличие княжеских знаков на плинфе позволяет отнести их к периоду расцвета Полоцкого государства.

Интересные сведения о городских могильниках, которые могли существовать до XIII в., приводит известный полоцкий краевед И. П. Дэйнис. Он указывает на существование городских некрополей на север от бывшей торговой площади (район размещения иезуитского коллегіума / кадетского корпуса) до р. Полота. Восточная граница могильника – ров на месте современной ул. Толстого [Дэйнис, 1978, ч. II, с. 90]. Согласно И. П. Дэйнису, в XIII–XIV вв. могильник был перенесен в район улицы Нижнепокровской до современной ул. Толстого. С развитием посада могильник прекратил существование и был вынесен за границу города. Однако И. П. Дэйнис не приводит доказательств в поддержку высказанного мнения, источниковая база указанных автором сведений не указана.

Информации о захоронениях XIV–XV вв. в письменных документах не сохранилось. Единственным источником по их изучению являются данные

археологии. Наиболее ранними в рассматриваемый период являются захоронения, выявленные на Острове. Они, возможно, синхронны по времени Иоанно-Предтеченскому монастырю (рис. 47: 5).

Монастырь Иоанна Предтечи прекратил существование в середине XVI в. При нем размещалось кладбище, которое было частично вскрыто во время раскопок 1959 г. Так, в восточной части Острова на месте вероятного размещения монастыря, в обрыве береговой линии были зафиксированы многочисленные остатки человеческих костей [Поболь, д. № 112, с. 10]. В *шурфе 1* на глубине 1,5 м были выявлены переотложенные человеческие кости и три черепа. В *шурфе 2* на глубине 1 м был выявлен скелет, положенный на спину головой на запад. Левая рука была вытянута вдоль тела, а правая согнута в локте и размещалась на тазовой кости. Остатки погребального инвентаря и гроба не были найдены, однако на захоронение в гробу указывает наличие кованого гвоздя над погребенным. В *шурфе 3* на глубине 1,2–1,5 м найдено 8 захоронений разного времени и разной степени сохранности. Все скелеты были положены головой на запад. В *шурфе 4* под культурным пластом на материке на глубине 1,5 м были найдены человеческие кости [Поболь, д. № 112, с. 10–11]. Размещение шурфов относительно друг друга позволяет определить примерное расположение и границы захоронений.

В начале XII в. на стрелке Нижнего замка строится церковь, которая, по мнению П. А. Рапопорта, являлась княжеской усыпальницей [Рапопорт, 1980, № 3, с. 154]. Исследователь приводит данные о наличии захоронений в гробах с внешней стороны фундамента церкви, которые, по его мнению, относились ко времени функционирования храма – XII–XVI вв. [Рапопорт, 1980, № 3, с. 154]. Наличие мужских и женских захоронений свидетельствует, что церковь не была монастырской.

Ранее данную церковь привязывали к кладбищу, зафиксированному на территории городища [Тарасаў, 1998а, с. 77]. В настоящее время очевидным является тот факт, что погребения при церкви не имели никакого отношения к кладбищу на городище, обустроенному не ранее XVII в.

В раскопе, заложенном в 2008 г. непосредственно возле церкви, было открыто захоронение мужчины 20–25 лет (определение О. А. Емельянчик), которое стратиграфически датировано XV – первой половиной XVI в. [Дук, спр. № 2600]. Примечательно, что кости были переотложены во время строительства деревянного жилого дома с печью. Дом датирован первой половиной XVI в. Нижняя часть дома была углублена до материка. Кости человека, найденные при возведении дома, были разделены на части и закопаны под стены постройки, при этом череп положен в глиняный опечек. Вследствие активной эксплуатации печи череп кальцинировался. Данное захоронение подтверждает существование архаической традиции закладной жертвы при строительстве домов в первой половине XVI в. Отметим, что в ряде случаев в качестве закладной жертвы была использована собака, скелет которой был раскопан под стеной погребя жилого дома первой половины XVI в. на Великом посаде в 2002 г.

Городские кладбища XVI–XVIII вв. зафиксированы в отдельных частях Полоцка. Наличие в это время разных конфессий соответствует разнообра-

зию кладбищ, на которых похоронены православные, католики и униаты. К наиболее исследованным относятся погребения на месте древнего городища. Тот факт, что территория городища в XVIII–XX вв. была занята кладбищем, отмечал А. Н. Левданский [Ляўданскі, 1930, т. 2, кн. 11, с. 161–163]. И. П. Дейнис также приводит упоминания о существовании *древних православных* захоронений на городище. Он отмечает, что непосредственно до 1917 г. городище использовалось как место захоронения домашних животных, в 1920-е годы на нем хоронили самоубийц [Дэйнис, 1978, ч. II, с. 14].

Во время раскопок 2007 г. на городище были вскрыты останки 36 человек: 13 детей и 23 взрослых [Емельянчик, 2009, № 1, с. 9]. Захоронения сделаны в деревянных гробах и размещены на глубине от 0,8 до 1,4 м. Визуально контуры погребальных ям не наблюдались. Однако непосредственно над захоронениями были найдены немногочисленные артефакты, преимущественно остатки керамики с зеленой глазурью XVII–XVIII вв. и неглазурованных горшков XVI–XVII вв., кованые гвозди.

Немногочисленный погребальный инвентарь свидетельствует о принадлежности умерших к католической конфессии. В 16 наиболее сохранившихся и в большинстве нетронутых захоронений найдены два оловянных нательных креста, один из которых сильно поврежден коррозией, нательная иконка-медальон, четыре стеклянные пуговицы, три бронзовые застёжки.

Эти вещи были найдены на телах пяти умерших (захоронения № 10, 17, 22, 25, 27). Остатки деревянных гробов сохранились только у двух захоронений (№ 11, 27), зато железные гвозди были найдены возле большинства скелетов в количестве от 1 до 4 штук, что свидетельствует о наличии гробов. Большинство погребенных ориентированы головой на запад (№ 2, 3, 36, 4, 5, 7, 11, 13, 14, 16, 18, 20, 26, 27), меньшая часть – на северо-запад (6, 12, 15, 21, 22, 25). Некоторые захоронения осуществлены на месте старых: костяки перекрывают друг друга (№ 2, 3, 15–21 соответственно). Отдельные захоронения размещены упорядоченно друг возле друга: один ряд захоронений № 14, 15, 16 перекрывает захоронения № 17, 21. Зафиксировано и парное захоронение № 20, 27. Выразительно прослеживается тенденция в размещении рук умерших: женщин хоронили со сложенными на груди возле самого подбородка руками, кистями вниз (захоронения № 17, 20), одной левой рукой на груди, другой – на животе (захоронение № 7), двумя руками на животе (захоронение № 27). Мужчин хоронили со сложенными на животе руками (захоронения № 14, 15, 16, 20), на груди (захоронения № 2, 11), либо вытянутым вдоль тела (захоронение № 18).

Погребальный инвентарь очень беден, в большинстве случаев он представлен оловянным крестиком на груди умершего. Большинство крестиков не сохранилось по причине коррозии. Об одежде умерших данных практически нет. На костяках трех женщин и мужчин найдены бронзовые застёжки и стеклянные пуговицы в верхней части скелета. Вероятно, некоторых умерших одевали в легкую рубашку на застёжках и пуговицах, большинство умерших – в рубашку без застёжек. Погребальной обуви не выявлено. На кладбище похоронены представители католической конфессии, вероятно,

полоцкая шляхта. На костях некоторых умерших (мужчин из погребений № 13, 14) отчетливо видны повреждения, нанесенные оружием. Редкая встречаемость среди исследованных групп патологии, известной как *cribra orbitalia*, также косвенно свидетельствует об относительно хороших условиях жизни людей [Емельянчик, 2009, № 1, с. 12–13].

Кладбища выявлены и на территории Заполотского посада (рис. 47: 10). В восточной части современного Заполотья по словам местных жителей во время работ на огородах часто находят человеческие кости (черепа и остатки скелетов). Захоронения были вскрыты и во время шурфовки в 2003 и 2010 г. в Заполотье. Костные останки в большинстве случаев сильно повреждены перекопами, датированы XV–XVII вв.

Как правило, на территории монастырей также присутствовали захоронения. Инвентарь женского монастыря св. Софии от 6 июня 1637 г., составленный во время передачи его базилианам, засвидетельствовал наличие цвинтаря возле церкви. Этот монастырь был размещен «от фортки замковой (*Верхнего замка*) за рекой Двиной, от первого до второго угла, который прилегает к постройкам двора владыки, 29 сажней, от второго до третьего угла, который к стенам церкви Святой Софии стоит 18 сажней, от того угла идет стена около стен церкви Святой Софии, в стене форточка, по которой монахини из монастыря к церкви Святой Софии через *цвинтарь* ходят; а от той форточки недалеко в стене ворота, которые до того монастыря ведут, шириной в два воза, с форточкой 26 сажней и с воротами; от тех ворот та стена ведет, соединяясь со строениями нескольких домов, в которых убогие и церковная прислуга живут, аж до переулка; по этому переулку под самым парканом до ворот Больших замковых ездят, той стены начав от четвертого угла, что с форточкой и с воротами, до пятого угла на том переулке стоящим, стены 35 сажней, а от того угла до угла, что на замке стоит, угол до паркана шестой: той стены 40 сажней, от того шестого угла снова до того угла, что от форточки замковой до Двины стоит, от которой началось измерение – той стены 50 сажней» [ИЮМ, 1901, вып. 29, с. 18–19].

На территории бывшего доминиканского монастыря в районе нынешней пл. Свободы было зафиксировано десять выдолбленных гробов-колод. Они были сделаны из цельного куска дерева и состояли из крышки и нижней части. Колоды были сужены в ногах и имели выдолбленную выемку. Средний размер колод – 1,9 × 0,4 м. Во всех гробах найдены скелеты, при этом каких-либо предметов не выявлено, за исключением деталей одежды, от которой остались только фрагменты кожаной обуви – поршней или мягких туфель. Еще три захоронения были расположены в гробах прямоугольной формы, сделанных из массивных досок [Тарасов, д. № 1014, с. 5]. Время захоронений определяется в границах XVIII в.

Согласно привилею Владислава IV православному Богоявленскому монастырю от 6 июня 1633 г., монахам разрешалось строить на «Большой улице, граничащей с одной стороны Большою улицею, с другой стороны от Двины, полплацемъ земли Екатерины Прилуцкой, по мужу Островской, с третьей стороны полпляцемъ мещанки Ходыки, а с четвертой стороны

четвертью плаца Павла Невзора, где стояль его дворъ отдалъ на вечныя времена въ пользу монастыря греческого исповеданья неуниатовъ» [ИЮМ, 1875, вып. 6, с. 352]. Для монастырских потребностей также позволялось выкупать другие площадки «на кладбище» для захоронения умерших [ИЮМ, 1875, вып. 6, с. 353]. Согласно грамоте Алексея Михайловича Богоявленскому православному монастырю от 23 сентября 1656 г., «три дворные места пустыя жидовския, Якоба да Герца, да Римлянина Каспара Пневского, владеть, и те места очистить для пространства подь колокольню, и для погребения телесъ умершихъ православныхъ христианскихъ» [Витебская старина, 1885, т. IV, с. 63].

Монастырь, таким образом, становится единственным местом Полоцка, где православное население в XVII–XVIII вв. имело право на захоронение.

Остатки монастырских захоронений были вскрыты во время археологического надзора за прокладкой строительной траншеи в 2005 г. Покойник был положен в гроб-колоду, углубленную в материк на 0,3 м. Захоронение – мужское, безинвентарное. Скелет ориентирован головой на север. Возраст умершего – 40–50 лет. Согласно стратиграфическим данным, захоронение было совершено не позднее XV – первой половины XVI в. Таким образом, археологические данные подтверждают сведения письменных источников о том, что захоронения существовали в районе Богоявленского монастыря ранее XVII в., возможно, они были сделаны при церкви Богоявления, упомянутой в Полоцкой ревизии в 1552 г. Наличие погребений стало веской причиной размещения именно в данном месте православного Богоявленского монастыря.

В 2003 и 2010 г. безинвентарные захоронения в гробах-колодах были открыты во дворе бывшего иезуитского коллегиума, вероятно, на бывшем цвинтаре церкви Рождества Христова. Захоронения датированы XVI в. Ориентация скелетов – головой на восток (два случая), головой на север (один случай).

Во время ремонтно-реставрационных работ в западных корпусах бывшего иезуитского коллегиума в 2010 г. были открыты четыре захоронения, которые стратиграфически датированы XVII в. Погребенные, двое из которых были в возрасте 30–40 и 50–60 лет, ориентированы головой на запад или северо-запад. Переотложенные кости, найденные в культурном слое, принадлежат 43 индивидам разного возраста и пола, в том числе детям. В результате раскопок было выяснено, что кладбище действовало непродолжительное время, вероятно, во время войны 1654–1667 гг. Уже в конце XVII в. кладбище было застроено деревянными домами на подклетах.

Рядом с выявленным кладбищем были обнаружены захоронения, расположенные рядом с фрагментами фахверкового строения XVII в., которое, возможно, является костелом св. Казимира. Было выяснено, что фундамент обнаруженного строения перекрывал часть захоронений, которые, соответственно, датированы временем ранее XVII в. и могли принадлежать цвинтарю церкви Рождества Христова, расположенной в непосредственной близости напротив костела. В 1621 г. православные мещане заявляли свои права на захоронение умерших около этой церкви согласно греческому (право-

славному) обряду, апеллируя, что «кгрунтъ... и цмынтарь Божый и королевский, а мы дей церковь будовали, намъ вольно тела умерлыхъ тамъ ховати» [Витебская старина, 1888, т. 5, ч I, с. 120]. В 2011 г. южная часть цвинтаря церкви Рождества Христова была изучена археологически.

Представители городского патрициата «русской» веры по давней традиции продолжали хоронить умерших в храмах. Так, согласно testamentу от 3 сентября 1656 г. Арины Лукашевичовой, жены полоцкого бурмистра, ее тело должно было быть положено «способом и звычайем хрыстьянским русским в земли пры муже моем Лукьяне в церкви Богоявления светого у Полоцку, през сына моего Даниеля Лаптевича и през зятя моего» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 54]. Testament Анастасии Пауковой от 1 декабря 1656 г. обязывал мужа и сына, тело ее «хрестиянскимъ способом поховали в притворе в церкви Богоявления» [НИАБ, ф. 1823, оп. 1, д. 1, л. 98]. Таким образом, testamentы полоцких мещан свидетельствуют, что Богоявленская церковь является храмом-усыпальницей православного населения Полоцка, в первую очередь зажиточных мещан.

Захоронения в склепах Спасо-Евфросиньевской церкви были изучены во время раскопок 2005 г. Всего было исследовано 8 склепов. Выяснено, что все склепы построены в одно время в пределах второй половины XVIII в. В трех склепах были зафиксированы человеческие кости. Представляет интерес непо потревоженное коллективное захоронение в гробу из крипты № 3. Это захоронение представлено почти целыми скелетами шести мужчин старше 50 лет [Емяльянчык, 2009а, с. 34]. Фактически это было перезахоронение, поскольку кости были обернуты в дорожную ткань с серебряной нитью. Согласно антропологическим данным, люди, захороненные в подвалах церкви, не имеют сходства с местным населением Белорусского Подвинья. В подвалах церкви были захоронены представители ордена иезуитов.

Наиболее древнее еврейское кладбище было расположено на восток от Покровской церкви, построенной в 1781 г. и являвшейся кладбищенской. На запад от нее на плане 1778 г. располагались «благочестивые», это значит православные захоронения [Пасадская, 1998, с. 208]. Время образования еврейского кладбища определить сложно. Еще одно еврейское кладбище существовало в Задвинье (бывший Кривцов посад) на месте так называемой Слободы. Третье и самое большое кладбище (6,72 га) располагалось на ул. Ленинградской [Пасадская, 1998, с. 209], оно было ликвидировано в 1950-е годы, попав в зону новостроек.

Около церкви св. Николая в д. Экимань в раскопах 2000 и 2009 г. был также открыт цвинтарь. Непосредственно около фундаментов церкви св. Николая были выявлены захоронения, устроенные аналогично захоронениям на полоцком городище. Они принадлежали католическому (или униатскому?) населению (ориентировка скелетов головой на северо-запад, наличие разновременных захоронений в границах одной могилы). Одно из захоронений на цвинтаре принадлежало девочке в возрасте шести месяцев. Собраны скелетные останки. Голова младенца соприкасалась с тканью, в которую была вплетена нить из цветного металла (бронзы). Около виска было

кольцо диаметром 2,3 см, шириной 0,5 см, сделанное из бересты. Гроба не зафиксировано, но о его наличии свидетельствует гвоздь длиной 3 см с остатками дерева. И. П. Дейнис приводит сведения о существовании на экиманском цвинтаре «низких каменных крестов», от которых сегодня сохранился только рисунок [Дэйніс, 2007, с. 116].

Согласно плану Полоцка 1707 г. на территории Кривцова посада на юг от более позднего кладбища «Фатиновка» существовало большое кладбище с часовней. Возможно, эта часовня является церковью Параскевы Пятницы. В XVI–XVIII вв. кладбища продолжали существовать и около всех крупных монастырей – Спасо-Ефросиньевского, Борисоглебского, Богоявленского [Пасадская, 1998, с. 209].

Захоронения располагались и около упомянутого в полоцкой ревизии монастыря Михаила на Городке («Городце»). Кладбище существовало как православное. Католическое кладбище «Ксаверие» было заложено иезуитами в конце XVI в. На его месте, как предполагается, в XII в. был размещен мужской Георгиевский монастырь. Кладбище «Фотиновка» было обустроено не ранее середины XVIII в. Также городскими захоронениями являлись старообрядческие около деревень Громы и Громенки (середина XVIII в.) и захоронения Красные (конец XVIII в.) [Пасадская, 1998, с. 210].

Таким образом, с распространением христианства в XII–XIII вв. появился новый тип погребального комплекса, связанный с культовыми постройками и прилегающей к ним территорией – церковным двором. Вероятно, что первые христианские кладбища, кроме храмовых, появились на периферии Великого посада около рва (современная ул. Толстого). В XIV–XV вв. могильники существовали возле церквей (Иоанно-Предтеченское кладбище на Острове и около церкви на стрелке Нижнего замка).

К наиболее исследованным археологически относятся городские кладбища XVI–XVIII вв. на полоцком городище, на территории иезуитского коллегиума и экиманские. На них захоронения совершались в деревянных гробах из досок или выдолбленных из цельного куска дерева, опущенных в ямы на глубину 1,0–1,5 м. Инвентарь отсутствовал. Кладбища, как правило, действовали на протяжении нескольких веков, о чем свидетельствуют перекрывающие друг друга могилы. Кладбища при церквях XVI–XVIII вв. почти не исследованы, за исключением перезахоронений в кирпичных склепах Спасо-Преображенской церкви.